

Научная статья

УДК 330.8

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-506-12-28-37

СИТУАЦИЯ «УЛОВКИ 22» КАК ФАКТОР ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Елена Леонидовна Молокова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, elmo.sm@mail.ru, 0000-0003-0076-3369

Аннотация. Высокая динамика изменений институциональной среды в условиях непрекращающихся реформ высшего образования порождает множество институциональных дисфункций, в том числе, систематический характер приобрело отклоняющееся поведение. В таких условиях особую актуальность приобретает разработка самостоятельной исследовательской программы изучения указанного явления. Цель статьи сформировать теоретико-методологическую основу изучения неумышленного отклоняющегося поведения для идентификации причин его возникновения в сфере высшего образования. В качестве научной платформы исследования в работе использована институциональная теория. По результатам анализа большого массива научной литературы отмечено недостаточное внимание к случаям отклоняющегося поведения в условиях наличия институциональных логических парадоксов. Оценка многочисленных кейсов «уловочных» состояний показала, что часто они возникают в отношении нарушений формальных институтов, при этом в подавляющем большинстве случаев по воле их авторов-субъектов, обладающих административной властью. Описанные состояния институционализируются, в том числе путем закрепления в правовых актах всех уровней, принимая системный характер. Поведение, направленное на формирование описанных явлений, представляет собой умышленное следование собственным интересам в нарушении интересов третьих лиц, и может быть истолковано как оппортунистическое поведение. Актуальность исследования продиктована практическим отсутствием в научной литературе исследований, посвященных отклоняющемуся поведению в условиях существования институциональных парадоксов. Практическая значимость работы обусловлена возможностью применения полученных в статье результатов для эмпирического анализа конкретных кейсов с целью идентификации причин возникновения описанных состояний, выявления случаев оппортунистического поведения гарантов институтов и выработки решений по снижению частоты указанных явлений. Развитие методов и инструментария диагностики «уловочных» состояний в высшем образовании позволит найти направления совершенствования институциональной среды, снижения транзакционных издержек участников экономических отношений в данной сфере, а также повысить производительность научной деятельности и качество человеческого капитала.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, умысел, непреднамеренность, институциональный логический парадокс, гарант института

Для цитирования: Молокова Е. Л. Ситуация «уловки 22» как фактор отклоняющегося поведения в высшем образовании (институциональный аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 12 (506). С. 28–37. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-506-12-28-37

Original article

THE “CATCH-22” DILEMMA AS A FACTOR OF DEVIANT BEHAVIOR (INSTITUTIONAL PERSPECTIVE)

Elena L. Molokova

Urals State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, elmo.sm@mail.ru, 0000-0003-0076-3369

Abstract. The rapid dynamics of institutional change amid ongoing higher education reforms is giving rise to numerous institutional dysfunctions, including the systematic occurrence of deviant behavior. Under these circumstances, the development of an independent research program for studying this phenomenon is particularly relevant. This article aims to develop a theoretical and methodological framework for studying unintentional deviant behavior to

identify its causes in higher education. Institutional theory serves as the methodological foundation for this study. An analysis of a large body of scientific literature reveals a lack of attention to cases of deviant behavior in the presence of logical paradoxes in regulations. An assessment of numerous cases of “catch” situations revealed that they arise from violations of formal institutions, and in the vast majority of cases, at the behest of their authors-entities with administrative authority. These situations are institutionalized, including through codification in legal acts at all levels, becoming systemic. Behavior aimed at creating the described phenomena represents a deliberate pursuit of one’s own interests at the expense of those of third parties and can be interpreted as opportunistic behavior. The relevance of this study stems from the virtual absence of research in the scientific literature on deviant behavior in the context of institutional paradoxes. The practical significance of this work stems from the potential application of the results obtained in this article to the empirical analysis of specific cases to identify the causes of the described conditions, identify instances of opportunistic behavior by institutional guarantors, and develop solutions to reduce the frequency of these phenomena. Developing methods and tools for diagnosing “tricky” conditions in higher education will help identify areas for improving the institutional environment, reducing transaction costs for economic participants in this field, and enhancing the productivity of research and the quality of human capital.

Keywords: deviant behavior, intent, inadvertence, institutional logical paradox, guarantor of the institution

For citation: Molokova EL The “Catch-22” Dilemma as a Factor of Deviant Behavior in Higher Education (Institutional Perspective). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(12(506):28-37. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-506-12-28-37

Введение

В настоящее время высшая школа стоит на пороге очередной трансформации, обусловленной социально-экономическими и политическими изменениями условий ее функционирования. Непрерывно происходящее реформирование высшего образования России спровоцировало нестабильность и высокую неопределенность институциональных условий, что повлекло за собой расширение случаев отклоняющегося поведения.

Развитие экономической теории движется по пути постепенного признания сложности и многогранности поведения человека, обуславливающей вовлечение в экономический анализ все большего числа факторов, которые ранее классифицировались как неэкономические [1, с. 20] (например, ценности, контексты, мотивы и др.).

В описанных условиях актуализировалась разработка самостоятельной исследовательской программы изучения проблемного поля, сформированного распространением отклоняющегося поведения в различных сферах общественной жизни в целом и в высшем образовании, в частности.

В силу широты тематики отклоняющегося поведения, данная статья сосредоточена лишь на одном из его аспектов и посвящена характеристике неумышленных поведенческих девиаций, спровоцированных существованием особого институционального логического парадокса, иногда называемого в художественной литературе «уловка 22».

В настоящем исследовании поставлена цель сформировать теоретико-методологическую основу изучения неумышленного отклоняющегося поведения в высшем образовании для идентификации причин возникновения данного явления.

Основной задачей работы является развитие теории и методологии неумышленных типов отклоняющегося поведения, с учетом случаев девиаций в условиях логических парадоксов правил.

В основе исследования лежит утверждение о существовании случаев неумышленного отклоняющегося поведения адресатов нарушаемого правила, оппортунистически спровоцированных гарантом (автором) данного правила.

К ограничениям исследования следует отнести практическое отсутствие сформированной исследовательской программы изучения отклоняющегося поведения при наличии широкого спектра разработанных подходов к его изучению, имеющих методологически отличающиеся основания.

Материалы и методы исследования

Усиление внимания к изучению девиаций поведения в экономических науках возникло на почве критики классической и неоклассической школ, имеющих ограниченные объяснительные возможности многообразию поведенческих моделей в экономике с их методологическими предпосылками о рациональности экономических агентов.

В то же время синтагма отклоняющегося поведения постоянно эволюционирует, изменяя акценты своего предмета, объекта и методологии исследования. В настоящее время широкий круг ученых отмечает узость и абстрактность принципа методологического индивидуализма в экономическом анализе, что существенно расширяет область экономических исследований. Можно наблюдать трансформацию подходов к пониманию отклоняющегося поведения как явления, в основе которого лежат субъективные факторы (воспитание, чувства (обиды или страха, например), отрицательные

наклонности и т.п.) к его интерпретации в качестве реакции на особенности окружающего мира, институциональной среды. Таким образом, можно отметить наличие двух типов теорий отклоняющегося поведения: (1) индивидуалистические теории, в которых в основе объяснения девиаций положены субъективные факторы и (2) социальные теории, объясняющие отклонения в поведении влиянием окружающей среды. В институционализме данные направления научной мысли развиваются в рамках методологического индивидуализма, постулирующего о ведущей роли индивида в экономическом развитии и методологического холизма, обуславливающего развитие надындивидуальными факторами.

В то же время, с зарождением поведенческой экономики уже в 1960–1970 годах появляются работы, которые демонстрируют *систематическое* отклонение в поведении экономических акторов. В частности, М. Алле, лауреат Нобелевской премии 1988 г., на основе многочисленных экспериментов описывает знаменитый «Парадокс Алле», демонстрирующий систематические девиации в поведении индивидов в форме отказа от стремления максимизировать полезность в условиях риска и неопределенности, и предпочтение чувства «надежности» чувству «неопределенности» [2]. Этими работами было положено начало изучению устойчивых форм отклоняющегося поведения в зависимости от определенной совокупности факторов, их провоцирующих.

Следует отметить, что современная экономика, сосредоточившись на изучении степени обусловленности случаев отклоняющегося поведения институциональным климатом [3], нормативным давлением [4], когнитивными нормативными основами [5], совместным созданием или разрушением ценностей [6] и др. активно использует институциональную теорию и методологию.

Таким образом, изучение модели поведения человека в экономических координатах актуализирует институциональную исследовательскую программу, которая способна учесть включенность индивида в систему социально-экономических отношений и динамику институциональной среды.

При этом направления исследований дрейфуют от понимания девиаций как явления спровоцированного субъективными характеристиками конкретного индивида к расширенной трактовке отклоняющегося поведения как поведения несовпадающего с предписанным социальными нормами [7]. Таким образом, наблюдаем эволюцию отношения к отклоняющемуся поведению как пороку

человека, который не следует нормам, к обусловленности девиаций в поведении трансформацией самих социальных норм.

Научная мысль, начиная с анализа конкретных случаев девиаций, эволюционировала к выяснению их причин. При этом, все в большей степени признается обусловленность девиаций институциональной средой и, в частности, большее внимание уделяется качеству и содержанию институтов как факторов, продуцирующих отклонения.

Не смотря на распространенный подход к изучению отклоняющегося поведения в отрицательной коннотации, следует обратить внимание на постепенный сдвиг внимания к его положительным аспектам или во всяком случае «пределам нормальности» некоторых девиаций.

Л. Мизес подчеркивал, что человеческая деятельность всегда необходимо рациональна, понятия рациональности и иррациональности не корректны [8, с. 22], при этом понятиям «ненормальности» и «порочности» нет места в экономической науке [8, с. 92]. В свою очередь, Ю. А. Клейберг говорит о невозможности «нормального» или «отклоняющегося» поведения в чистом виде [9, с. 73–74]. Поскольку в основе идентификации девиации лежит сравнение данного поведения с принятым, отклонение может носить как отрицательный, так и положительный характер. В связи со сказанным актуализируется позиция М. Ю. Барбашина, сформулировавшего теорию институционального распада, постулирующую возможность закрепления конкретной модели отклоняющегося поведения в обществе в качестве «нормальной» с постепенным увеличением частоты и интенсивности случаев отклоняющегося поведения и формированием нормативной допустимости девиации посредством переоценки общепринятых норм [10, с. 46].

В качестве базового, в работе используется институциональный подход, позволивший акцентироваться на качестве нормативно-правового поля и регулирующих поведение стейкхолдеров высшего образования воздействий со стороны субъектов, обладающих административной властью и задающих рамки функционирования высшей школы в целом и ее акторов, в частности.

Базируясь на институциональном подходе, в работе отклоняющееся поведение трактуется как несовпадение реального поведения с поведением, предписанным социальными нормами [11]. При этом, данный тип поведения рассматривается в исследовании как явление, обусловленное совокупностью существующих ценностей, рутин, социальных норм акторов общественных отношений.

В настоящее время существует ряд работ экономистов, применяющих методологию институционализма в изучении поведенческих девиаций. В ряду наиболее известных современных авторов, существенным образом оказавших влияние на авторскую позицию, В. Л. Томбовцев, обозначивший проблему отклоняющегося поведения, возникающую в процессе институционального проектирования [12], М. Ю. Барбашин, посредством теории институционального распада описавший процесс конвенциализации отклоняющихся поведенческих практик [10, с. 46]. Е. В. Устюжанина в своих работах последовательно развивает теорию отклоняющегося поведения, выделив его типы, причины, факторы возникновения [7, 11]. В. М. Полтерович, рассматривая распространение отклоняющегося поведения как институциональную дисфункцию, обуславливает возможность уменьшения относительной эффективности отклоняющегося поведения экономическим ростом и совершенствованием институтов [13, с. 19].

В основе отклоняющегося поведения лежит нестабильная институциональная среда. В условиях усиливающейся непредсказуемости и снижающейся прозрачности институционального пространства участники общественных отношений перестают следовать общепринятым нормам, что обусловлено ростом издержек следования правилам. В такой ситуации институциональное поле распадается, снижая ожидания индивидов от включенности в социальную группу (социальную сеть в современной трактовке) и ощущения принадлежности «общему делу», провоцируя разрушение имплицитных обязательств и отклоняющееся поведение [14].

Таким образом, спектр причин отклоняющегося поведения диктуется характеристиками институциональной среды, приобретающего особые свойства в условиях ее нестабильности.

Ретроспективно в науке идентифицируется и описывается все более широкий спектр типов отклоняющегося поведения. При отсутствии общепринятой теоретической платформы исследования отклоняющегося поведения в науке предлагается несколько таксономических подходов, использующих различные критерии классификации поведенческих девиаций. Например: причины отклонений (факторы) или характеристика (статус) субъекта отклонения [15], тип норм от которых отклоняется поведение (правовые, культурные, этические и т.п.), общественная опасность отклонения (преступление, правонарушение, проступок) [16]. Развивая теоретические подходы, предложенные

Р. Мертоном [17], Е. В. Устюжанина предложила таксономию типов отклоняющегося поведения по критерию объекта отрицания [11]. Появились работы, учитывающие в таксономиях степень свободы воли субъектов отношений в отклоняющемся поведении (умысел, неосторожность, неосознанность [11]).

Наличие умысла (субъективная сторона поведения) в качестве таксономического критерия, включает две крайние градации: умысел или бессознательное (неумышленное) нарушение норм.

Результаты исследования и их обсуждение

Отдельно уделим внимание группе девиаций, не имеющих в своей основе умысла, направленного на нарушение социальной нормы. Таким образом, сместим акцент от весьма распространенного изучения различных вариаций оппортунистического поведения, как наиболее опасного и очевидного, к менее очевидным, но от этого имеющим не менее опасные последствия типам отклонения.

Отсутствие умысла на отклонение от нормы, соответственно диктует иные методы его изучения, отличающиеся инструменты оценки, и тем более, требует разработки специальных механизмов его нивелирования.

Анализ научной литературы обнаружил лауну, которая заключается в отсутствии внимания ученых к случаям отклоняющегося поведения, обусловленным существующими логическим парадоксами (коллизиями) норм, при которых, субъект, стремящийся нарушить правило попадает под его действие и напротив, соблюдая правило оказывается в положении нарушителя. В настоящем исследовании, назовем данную ситуацию «уловка 22», воспользовавшись метафорой американского писателя Дж. Хеллера, используемой для описания своего рода ловушки, которую никто из персонажей не в состоянии избежать [18].

Речь идет, например, о ситуации существования некачественных формальных норм, которые невозможно выполнить даже при должном намерении актора (противоречащие друг другу знаки дорожного движения, например). Возникновение дискурсивных ловушек очевидно обусловлено низким качеством институциональной среды, выражающемся в бюрократических коллизиях, деструктивных или взаимоисключающих правилах, алогичных и неоднозначных формулировках, конфликтующих между собой.

Наиболее наблюдаемым является отклонение от формальных норм. В качестве примера, можно привести реальную ситуацию, сложившуюся в одном из региональных вузов. Разработанная си-

стема стимулирования профессорско-преподавательского состава предположительно ошибочно допустила присвоение максимального балла по такой совокупности научных результатов, которые по мнению руководства практически невозможно было достигнуть. Однако весьма работоспособные преподаватели смогли выполнить все условия, для получения наивысшего балла. В таком случае, возникла ситуация, при которой высокие достижения рассматриваются в качестве не желаемой модели поведения, нежели похвального высокого результата, поскольку требуют премирования (что соответственно не входило в планы руководства). В описанной ситуации, отклоняющимся поведением является достижение высоких результатов, поощряемых максимальным баллом. «Уловка 22» реализуется в ситуации, когда поощряемые и закрепленные в локальном акте высокие результаты одновременно являются нежелательными. Отдельно стоит упомянуть, что в рамках распространенной ментальной модели, закрепившейся в корпоративной культуре университета, высокие достижения также могут расцениваться в качестве не соответствующих общепринятой модели поведения, а их авторы позиционируются в качестве «выскочек», вызывающих по меньшей мере зависть. Таким образом, наблюдается снижение экономических стимулов к эффективной и плодотворной деятельности, провоцируется рост транзакционных издержек в виде адаптации к парадоксальным правилам, снижается качество человеческого капитала.

Такой же замкнутый круг можно наблюдать в сфере наукометрических измерений, ныне вызывающих массу дискуссий. В частности, высокий уровень цитируемости является общественно-желательным, однако большое количество цитирований ближайшими коллегами расценивается как нарушение научной этики. Вместе с тем, узкоспециализированные исследования, реализуемые конкретным кругом ученых, научных коллективов, имеют небольшое количество ссылок в силу специфичности информации в них содержащейся. Складывается ситуация, при которой деятельность ученого осуществляющего исследования высокого уровня, имеющая малое количество цитирований или цитирования коллег, подвергается сомнению (во всяком случае такое положение дел можно наблюдать в высшем образовании, где наукометрические показатели являются неотъемлемым элементом оценки эффективности вуза). Таким образом, статья, содержащая общеизвестные и понятные факты имеет гораздо большее количество цитирований, чем работа, содержащая малоизвест-

ную и новейшую информацию, не имеющую на первых порах общепринятого характера. В контексте сказанного нельзя не упомянуть «формулу автора» описанную В. Л. Тамбовцевым [19, с. 25] и в полной мере отражающую сложившуюся в данной сфере ситуацию, где для успешного опубликования статей в рейтинговых журналах от автора требуется воздержаться от открытий, дискуссий и важных проблем, ограничившись констатацией фактов, изложенных непонятным языком. Таким образом, наблюдается снижение реальной производительности научного труда и мотивации к нему, система поощряет «научную инфляцию».

В качестве примера можно привести ситуацию с устанавливаемыми ежегодно Приказом Минобрнауки¹ нормами объема научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в расчете на одного научно-педагогического работника, выполнение которых влечет увеличение нормы на следующий год. Вместе с тем, невыполнение норм не является основанием для их снижения или хотя бы сохранения на прежнем уровне. Таким образом, как выполнение, так и невыполнение норм ведет к отрицательным последствиям для вузов. Более того, в целях достижения указанного показателя обязанности по его достижению в некоторых вузах были возложены на преподавателей, которые были вынуждены в отсутствие таких договоров вкладывать собственные деньги, демонстрируя иллюзию научной деятельности. Уловочное состояние в данном случае сформировано администрацией вузов, создавших правило, выполнение которого для большинства преподавателей невозможно, что спровоцировало вынужденное заключение фиктивных договоров, поддерживаемое руководством университетов. Отдельно отметим, что данное состояние характерно в основном для региональных вузов с более низкими конкурентными позициями, не обеспечивающими получение грантов и крупных договоров. Таким образом система поощряет не результат, а имитацию, перекалдывая издержки на преподавателей.

Нельзя не упомянуть институциональную ловушку «студентосбережения», сложившуюся в высшем образовании и представляющую собой

¹ Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений: Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 1 февраля 2022 г. N 92. URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 20.09.2025).

неэффективное, но устойчивое правило поведения [18]. Процессы сохранения контингента приняли абсурдные масштабы. Вузы вынуждены его сберегать ради сохранения финансирования домохозяйствами своей деятельности, снижая при этом требования к результатам освоения студентами образовательных программ. В указанных обстоятельствах преподаватели поставлены в ситуацию «уловки 22», когда объективное отношение к результатам обучения студентов может повлечь их отчисление, а откровенное отлынивание преподавателя от контроля является нежелательным с точки зрения образовательного процесса. Таким образом, отсутствие и наличие контроля одновременно являются нежелательными, а преподаватель в любом случае заслуживает упрека. Описанная ситуация сложилась на основе сегодня действующей финансовой модели функционирования высшего образования, где финансирование вузов прямо зависит от числа обучающихся.

Следует подчеркнуть безотносительно к приведенному примеру, что попытка выхода из ловушечного состояния сама по себе также может расцениваться в подавляющем большинстве случаев как отклоняющееся поведение.

Заметим, что описанный тип отклоняющегося поведения вовсе не обязательно имеет отрицательные последствия. К таким случаям можно отнести, например, институциональное новаторство. В некоторых случаях данный тип поведения реализуется в условиях «уловки 22», когда существующие правила уже невозможно выполнить, а новые, более эффективные автоматически являются нарушением. Субъект оказывается в положении нарушителя в любом случае.

Анализ описанных ситуаций в ретроспективе позволяет отметить, что большая их часть сохраняется уже довольно длительный период, становясь устойчивее. Практика девиаций поведения воспроизводится, повторяется и закрепляется в стратегиях поведения акторов высшей школы от студентов до преподавателей, университетском менеджменте [21, с. 193].

Ряд описанных явлений переходит из разряда «уловочных» в разряд «ловушечных», представляя собой неэффективное правило поведения, закрепившееся благодаря эффектам сопряжения, координации, культурной инерции [22, с. 2], попытка выйти из неэффективного состояния интерпретируется как отклоняющееся поведение, а следование правилам ловушки имеет отрицательную коннотацию. В качестве примера описанного состояния можно приводить случай со списыванием

[22], когда в студенческой группе закрепилась такая модель поведения: не списывать или осуждать нельзя в силу потенциального остракизма членов сообщества, одновременно с этим, такая модель поведения осуждается преподавателем, в любом случае поведение списывающего трактуется как отрицательная девиация поведения.

Описанные состояния институционализируются, в том числе путем закрепления в правовых актах всех уровней от локального, до федерального, принимая системный характер [21, с. 192].

Наряду с наличием научной рефлексии описываемых явлений (например, когда они приобретают вид институциональной ловушки [20]), отсутствует воля создателей данных состояний (обычно обладающих административной властью) к их устранению.

Недаром в более поздних переводах романа Дж. Хеллера использовался термин «поправка», вместо ранее переведенного «уловка», подчеркивая тем самым институционализацию описанной ситуации, превратившуюся в норму права [23].

Таким образом, осмысление описанного типа отклонений позволяет отметить, что постепенное приобретение устойчивости описанных моделей поведения, их институционализация, трансформирующая ошибку регулирования (некачественную формулировку правила) в институциональную ловушку, обуславливает отсутствие мотивов к принятию мер для ее устранения.

Если предположить, что ситуация «уловки 22» не создана умышленно субъектом, обладающим административной властью (умышленное допущение «стратегической неясности») в таком случае речь идет о низком качестве работы автора нормы, допустившем семантические оплошности, неучет различающихся интересов и потребностей акторов общественных отношений в процессе проектирования модели поведения [12, с. 92].

Вместе с тем, поскольку функционирование института всегда предполагает реализацию интересов гарантов института, его реципиентов или и тех и других одновременно, следует отметить, что умышленное создание логических противоречий в норме поведения, заведомо ведущих к ситуации «уловки 22» обуславливает необходимость определения интересанта такого положения дел. В каждом из приведенных примеров им является властный субъект, сформулировавший норму и являющийся ее гарантом. Таким образом, умышленное создание гарантом нормы «уловочного» состояния можно интерпретировать как провокацию отклонения от нее.

Опираясь на нортоновскую трактовку института как совокупности правила и механизма принуждения к его исполнению, а также на описанную В. Л. Тамбовцевым конструкцию института-правила [24], отметим, что в описанных случаях речь идет о наличии адресата правила и его гаранта, не совпадающим в одном лице. Вместе с тем, гарант, транслируя правило, подчиняет его собственным целям, не совпадающим с интересами адресата.

Поведение, направленное на формирование описанных явлений, представляет собой умышленное следование собственным интересам в нарушении интересов третьих лиц, и может быть интерпретировано как оппортунистическое поведение. Таким образом, соглашаясь с В. Л. Тамбовцевым, отметим, что описанные институты имеют высокое качество для их гарантов, подчинивших правила собственным целям и низкое для реципиентов [25].

Сказанное обуславливает постановку еще одной исследовательской задачи, предполагающей разработку таксономии типов отклоняющегося поведения с учетом вида актора (автора или исполнителя нормы), а также наличия или отсутствия взаимности отклонений.

Заключение

Сложность и многогранность явления отклоняющегося поведения обусловила его изучение в рамках институциональной экономики, имеющей соответствующий инструментарий, обладающий высокой объяснительной и исследовательской способностью.

В основе отклоняющегося поведения лежит нестабильная институциональная среда, снижающая уровень конвенциональности норм. Вместе с тем, распространенность неумышленного отклоняющегося поведения обуславливает необходимость акцентирования внимания на качестве существующих норм. Отдельного интереса заслуживают

ситуации существования логических парадоксов (коллизий) норм, в условиях которых индивид, соблюдая правило оказывается в положении нарушителя. Описываемое явление в подавляющем большинстве случаев является результатом созданных умышленно или ошибочно правил, содержащих логические противоречия.

Анализ многочисленных кейсов позволил обнаружить систематическое воспроизведение и даже институционализацию «уловочных» состояний и их переход в «ловушечные» в условиях отсутствия мотивации (воли) к их устранению со стороны властных субъектов.

Использование полученных в данной статье результатов в дальнейшем позволит уточнить таксономию типов отклоняющегося поведения в разрезе девиаций гарантов и реципиентов правил при их несовпадении в одном лице, и дать характеристику случаев оппортунистического поведения гарантов институтов.

Практическая значимость развития теории и методологии изучения уловочных состояний обусловлена существованием риска их институционализации и принятия ими системного характера. В таких условиях непредсказуемые и парадоксальные правила существенно повышают транзакционные издержки добросовестных участников экономических отношений, которые вынуждены тратить ресурсы на анализ и адаптацию к ним. А выявление и устранение описанных парадоксов способствует стабилизации и повышению качества институциональной среды.

Наличие инструментария для диагностики институциональных уловок позволяет предотвращать системные искажения в экономической политике, оптимизировать регулирующее воздействие на экономическое поведение субъектов, устраняя стимулы для отклоняющегося поведения.

Список источников

1. Ницаева О. В. Этические аспекты развития экономической теории и методологии // Стратегии развития современной науки. 2019. С. 150–154.
2. Камнева Е. В. Девиантное поведение субъекта экономических отношений: понятие, механизмы и последствия // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 155–161. DOI: 10.34823/SGZ.2020.1.51299
3. Dewangan R., Verghese M. The Moderating Role of Institutional Climate on the Relationship between Job Satisfaction and Deviant Behavior // Deviant Behavior. 2023. Vol. 44, № 5. P. 653–670. DOI: 10.1080/01639625.2022.2084000.
4. Kent S. S., Houghton L., Licorish S. Towards an understanding of the relationship between institutional theory, affective events theory, negative discrete emotions, and the development of feral systems when using human resource information systems // Computers in Human Behavior Reports. 2023. Т. 9. P. 100264. DOI: 10.1016/j.chbr.2022.100264.

5. Monteiro E. C. S. A., Sant'Ana R. C. G. Factors that influence researchers' state of anomie in the research data sharing process // *Mobile Networks and Applications*. 2022. Vol. 27, № 5. P. 1952–1957. DOI: 10.1007/s11036-022-01967-x
6. Plé L., Demangeot C. Social contagion of online and offline deviant behaviors and its value outcomes: The case of tourism ecosystems // *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 117. P. 886–896. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.06.002
7. Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г. Качество институционального пространства и факторы его формирования // *От рецессии к стабилизации и экономическому росту: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. С. 40–50. URL: <https://elibrary.ru/xidmxz>*
8. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск: Социум. 2005. 878 с.
9. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М». 2001. 160 с.
10. Барбашин М. Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2016. № 8(1), С. 36–53. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053.
11. Устюжанина Е. В. Отклоняющееся поведение как институциональный феномен // *Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 45-й Юбилейной международной научной школы-семинара, д. Красновидово Московской области, 3–9 октября 2022 г. / под ред. д-ра экон. наук И. Н. Щепиной, 2022. С. 60–66. DOI: 10.5281/zenodo.7390434*
12. Тамбовцев В. Л. Теоретические вопросы институционального проектирования // *Вопросы экономики*. 1997. Т. 3. С. 82–94.
13. Полтерович В. и др. Стратегии модернизации, институты и коалиции // *Вопросы экономики*. 2008. Т. 4. С. 4–24. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-4-4-24.
14. Барбашин М. Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 17(4). С. 178–188.
15. Симонова М. М. Анализ теорий девиантного поведения личности: социологический подход // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. №. 1. С. 135–144. DOI: 10.34823/SGZ.2020.1.51297.
16. Голиков В. Д., Голиков С. В., Колесников В. А. Методологические основания изучения отклоняющегося экономического поведения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2011. № 3 (23). С. 7–13.
17. Merton R. K. Social structure and anomie // *American sociological review*. 1938. Т. 3, №. 5. P. 672–682.
18. Heller J. *Catch-22*. London : Vintage books. 1994. 519 p.
19. Тамбовцев В. Л. Институциональная сложность: новое направление изучения институтов? // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. №. 2. С. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34.
20. Вольчик В. В. Институциональные ловушки в сфере образования и науки в условиях оптимизации // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16, №. 4. С. 783–795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.14.
21. Зборовский Г. Е. Аномалии в высшем образовании как фактор неуспешности студентов // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2022. Т. 28. №. 2. С. 185–199. DOI 10.15826/izv1.2022.28.2.038.
22. Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. 2004. Т. 3. С. 5–16.
23. Поправка-22 = Catch-22 : роман / Дж. Хеллер; пер. с англ. А. Кистяковского. Москва : АСТ; Харьков: Фолио. 1998. 522 с.
24. Тамбовцев В. Л. Институты-как-равновесия vs институты-как-правила // *Журнал экономической теории*. 2013. №. 4. С. 111–122.
25. Тамбовцев В. Л. Качество институтов: проблемы определения и оценки // *Вопросы экономики*. 2021. Т. 7. С. 49–67. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-49-67.

References

1. Nifaeva OV. Ethical aspects of the development of economic theory and methodology. *Strategii razvitiya sovremennoj nauki = Strategies for the development of modern science*. 2019;150-154. (In Russ.).
2. Kamneva EV. Deviant behavior of the subject of economic relations: concept, mechanisms and consequences. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*; 2020;(1):155-161. DOI: 10.34823/SGZ.2020.1.51299. (In Russ.).
3. Dewangan R, Verghese M. The Moderating Role of Institutional Climate on the Relationship between Job Satisfaction and Deviant Behavior. *Deviant Behavior*. 2023;44(5): 653-670. DOI: 10.1080/01639625.2022.2084000.
4. Kent SS, Houghton L, Licorish S. Towards an understanding of the relationship between institutional theory, affective events theory, negative discrete emotions, and the development of feral systems when using human resource information systems. *Computers in Human Behavior Reports*. 2023;9:100-264. DOI: 10.1016/j.chbr.2022.100264.
5. Monteiro ECSA, Sant'ANA RCG. Factors that influence researchers' state of anomie in the research data sharing process. *Mobile Networks and Applications*. 2022;27(5):1952-1957. DOI: 10.1007/s11036-022-01967-x.
6. Plé L, Demangeot C. Social contagion of online and offline deviant behaviors and its value outcomes: The case of tourism ecosystems. *Journal of Business Research*. 2020;117:886-896. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.06.002.
7. Ustyuzhanina EV, Evsyukov SG. The quality of the institutional space and the factors of its formation. In: *Ot recessii k stabilizacii i ekonomicheskomu rostu: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = From recession to stabilization and economic growth: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference* [Internet]; 2016; Moscow: Publishing House of Plekhanov Russian University of Economics; 2016. Pp. 40-50. (In Russ.).
8. Mises L. *Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoy teorii=Human activity: A treatise on economic theory*. 2nd ispr. ed. Chelyabinsk: Society; 2005. 878 p.
9. Kleiberg YuA. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Uchebnoye posobiye dlya vuzov=Psychology of deviant behavior: A textbook for universities*. Moscow: SC Sphere, with the participation of "Yurayt-M"; 2001. 160 p. (In Russ.).
10. Barbashin MY. Theory of institutional disintegration: conceptual potential and methodological framework. *ZHurnal institucional'nyh issledovanij = Journal of Institutional Studies*. 2016;8(1):36-53. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053. (In Russ.).
11. Ustyuzhanina EV. *Otklonyayushcheyesya povedeniye kak institutsional'nyy fenomen Sistemnoye modelirovaniye sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov: trudy 45-oy Yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly-seminara=Deviant behavior as an institutional phenomenon System modeling of socio-economic processes: proceedings of the 45th Anniversary International Scientific School-seminar*, Krasnovidovo village, Moscow region, October 3-9, 2022. edited by Dr. of Economics I.N. Shchepina; 2022. Pp. 60-66. DOI: 10.5281/zenodo.7390434 (In Russ.).
12. Tambovtsev VL. Theoretical issues of institutional design. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 1997;3:82-94. (In Russ.).
13. Polterovich V. et al. Modernization strategies, institutions and coalitions. *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2008;4-24. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-4-4-24. (In Russ.).
14. Barbashin MYu. Institutions and identity: methodological possibilities of the theory of institutional disintegration in modern social research. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2014; 17(4): 178-188. (In Russ.).
15. Simonova MM. Analysis of theories of deviant personality behavior: a sociological approach. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2020;1:135-144. DOI: 10.34823/SGZ.2020.1.51297. (In Russ.).
16. Golikov VD, Golikov SV, Kolesnikov VA. Methodological foundations for studying deviant economic behavior. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. NO Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2011;3(23):7-13. (In Russ.).
17. Merton RK. Social structure and anomie. *American sociological review* [Internet]. 1938;3(5):672-682.
18. Heller J. *Catch-22*. London: Vintage books; 1994. 519 p.

19. Tambovtsev VL. Institutional complexity: a new direction in the study of institutions? *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* = *Questions of theoretical economics*. 2023;2:22-34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34.

20. Volchik VV. Institutional traps in the field of education and science in the conditions of optimization. *ZHurnal ekonomicheskoy teorii* = *Journal of Economic Theory*. 2019;16(4):783-795. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.14. (In Russ.).

21. Zborovskiy GE. Anomalies in higher education as a factor of student failure. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* = *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*. 2022;28(2):185-199. DOI 10.15826/izv1.2022.28.2.038. (In Russ.).

22. Polterovich VM. Institutional traps: is there a way out? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* = *Social Sciences and modernity*. 2004;3:5-16. (In Russ.).

23. Correction-22 = Catch-22: a novel J. Heller; translated from the English by A. Kistyakovskiy. Moscow: AST; Kharkiv Folio; 1998. 522 p. (In Russ.).

24. Tambovtsev VL. Institutes-as-equilibria vs institutes-as-rules. *ZHurnal ekonomicheskoy teorii* = *Journal of Economic Theory*. 2013;4:111-122. (In Russ.).

25. Tambovtsev VL. Quality of institutions: problems of definition and evaluation. *Voprosy ekonomiki* = *Economic issues*. 2021; 7: 49-67. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-7-49-67. (In Russ.).

Информация об авторе

Е.Л. Молокова — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the authors

E. L. Molokova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration.

Статья поступила в редакцию 21.08.2025; одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.08.2025; approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.